

гости (купцы)» до «подарок» (привезенный откуда-то). В современном значении *подарок* слово употребляется с XVI века.

Многообразным оказывается круг атрибутов застолья: *вилки; ложечки; столы, столики; скатерти; тарелки, тарелочки*. В значении «плоская круглая посуда» слово *тарелка* (тарель) на Руси известно с XVI века — от фр. и нем. *Teller* через польский язык. В традиционной культуре тарелка включена в обрядовые комплексы.⁵ Вилка в России появилась только в XVII веке; в крестьянском же быту — пожалуй, лишь в XIX столетии. Тем не менее традиционная культура включила этот вид столовых приборов в свой обиход и нагрузила предмет обрядовыми значениями и запретами.⁶ Все это способствовало включению данных слов в образную систему рассматриваемого топоса.

Для обозначения общей ситуации топоса «битва как пир» песня использует слова «пир» и «обед». Лексема «пир», напомним, зафиксирована и в Слове о полку Игореве. Топос, таким образом, оказывается поразительно времяемким: он сохраняет свое значение не только в содержательном и метафорическом плане, но и на уровне лексики.

Взаимопроницаемость образной системы различных топосов — это еще один аспект, который мы можем наблюдать на исследуемом материале. Укажем также, что топос «битва как пир» в традиционной культуре реализуется не только в исторических песнях Нового времени, но получает и смеховое оформление в батальной лубочной картинке, в приговорах раешников, скоморошинах и небылицах.

Историко-песенный фольклор Нового времени позволяет составить целый реестр топосов (среди них, например, «битва как пашня» — тексты ИП XVIII, № 70, 80, 204, 448), представляющих различные вариации и трансформации и позволяющих рассмотреть укорененность образов в традиционную культуру русского народа. Топос «битва как пир» — это лишь одна из универсальных метафор русского фольклора.

⁵ Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия / Д. А. Баранов, О. Г. Баранова, Е. Л. Мадлевская, Н. Н. Соснина, О. М. Фишман, И. И. Шангина. СПб., 1999. С. 331–332.

⁶ Там же. С. 155–156.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-89-103

© М. С. Белоусов, © А. С. Белоусов

ОДА А. С. ПУШКИНА «КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ» В КОНТЕКСТЕ ФРАНЦУЗСКОЙ ПРЕССЫ*

В августе 1831 года А. С. Пушкин написал оду «Клеветникам России». Как верно заметил еще в 1929 году В. А. Францев, «едва ли какое из так называемых мелких стихотворений Пушкина вызвало столько разнообразных, часто противоречивых толкований, неосновательных упреков, резких нападок на поэта».¹ С тех пор прошло уже более девяноста лет, а эти слова продолжают оставаться максимально точной характеристикой ситуации, связанной с интерпретацией данного произведения. Появилось немало новых исследований, но на ряд существенных вопросов пока так и нет ответа. Прежде всего, рассмотрим ключевые мнения, высказанные о стихотворении.

* Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда. Тема: «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.». Проект № 19-18-00073.

¹ Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. Опыт исторического комментария к стихотворениям: «Клеветникам России» и «Бородинская годовщина» // Пушкинский сборник. Прага, 1929. С. 65.

П. В. Анненков, подготовивший второе полное издание сочинений поэта, стал одним из первых комментаторов рассматриваемого произведения.² В отдельной статье в 1880 году он писал, что варшавское восстание вызвало во французской «печати и на трибуне бурю ненависти, угроз и всевозможных обвинений против русского общества и правительства».³ От этого Пушкин приходил в искреннее негодование и считал нужным «вызвать на борьбу с ним голос самого общества», поэтому «решился отвечать, противопоставляя польской идее и заграничной ее пропаганде другую идею», а форму реализации своих мыслей «укрыл под крыло Державинской оды».⁴ Обратим внимание, что Анненков фокусирует внимание не на отдельных выступлениях и высказываниях конкретных политических деятелей, а на доминировании определенной риторики. Поэтому мы можем смело утверждать, что современный исследователь-постмодернист выразил бы эту точку зрения следующим конструктом: высказывания во французской периодике и в публичных выступлениях политиков осуществлялись в рамках враждебного для России дискурса, а Пушкин считал важным артикулировать происходившие события в рамках совершенно иных речевых конструкций, форму которых он позаимствовал у Державина.

В том же году и в том же издании появилась серия статей А. Н. Пыпина, посвященная отражению польского вопроса в русской литературе. Он подчеркивал значение образа Наполеона для поколения восставших: «Поляки увлеклись Наполеоном, увлеклись до мистицизма, до фантастической религии, до веры в наполеоновскую идею».⁵ Пушкин же, согласно Пыпину, стремился противопоставить этому «державинский взгляд, что Польша — гидра „трисаты злобы“».⁶ Добавим в скобках: Б. В. Томашевский, ссылаясь на письмо Г. Гейне, показывал, как во Франции после июльской революции происходит возрождение культа Наполеона, а также раздаются призывы провозгласить Луи Филиппа императором Французской республики,⁷ т. е. воссоздать политическую систему первой империи, формально весь период своего существования остававшейся республикой. А Францев указывал, что в Варшаве звучал лозунг заменить детронизированного Николая на Наполеона II.⁸ Отсюда следует, что Пыпин первым подметил роль Наполеона в риторике акторов польской идеи, хоть и дуалистическую (для поляков — освободитель от русского ига, для французов — олицетворение общеевропейских ценностей), но ключевую.

Кроме того, Пыпин указывал, что «патриотические увлечения Мицкевича Пушкин судит как участие в бунте». Конечно, здесь присутствует элемент ретроспективности, так как А. Мицкевича Пушкин назовет «угодником буйной черни» позднее, а не в момент написания «Клеветникам России». Но это совсем не отменяет того, что в интерпретации Пыпина оппонентами Пушкина выступают именно носители «польской идеи» или, скажем иначе, польского дискурса. И не так важен сам факт участия в восстании или обстоятельства конкретного заявления — Пушкин противопоставляет полонофильской риторике, согласно Пыпину, державинский дискурс.

В 1927 году в издании писем Пушкина к Е. М. Хитрово были помещены две важные статьи по рассматриваемой теме. В одной из них М. Д. Беляев анализирует эпистолярные отклики поэта на события Польского восстания. В вводной части Беляев стремится показать, под чьим влиянием формировались взгляды поэта на польский вопрос. Особенно подчеркивается значение Н. М. Карамзина, который предложил развитие риторики Державина, сравнив Польшу с другими завоеванными частями империи: Казанью, Астраханью, Новгородом и Рязанью.⁹ Беляев реконструирует реакцию российского

² Анненков П. В. Материалы для биографии Александра Сергеевича Пушкина // Сочинения Пушкина. СПб., 1855. Т. 1. С. 318; Т. 3. С. 11.

³ Анненков П. В. Общественные идеалы А. С. Пушкина. Из последних лет жизни поэта // Вестник Европы. 1880. Т. 3. Кн. 6. С. 616.

⁴ Там же. С. 617.

⁵ Пыпин А. Н. Польский вопрос в русской литературе // Вестник Европы. 1880. № 1. С. 714.

⁶ Там же.

⁷ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1961. Кн. 2. С. 321–322.

⁸ Францев В. А. Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. С. 89.

⁹ Беляев М. Д. Польское восстание по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрово. 1827–1832. Л., 1927. С. 258 (Труды Пушкинского Дома; вып. 48).

общества на происходящее, фокусируя внимание на раздражении Пушкина, вызванном необходимостью «видеть бездушных читателей французских газет, улыбавшихся при вести о наших неудачах».¹⁰ Пропольское мнение обозначается так: «...оно для него в этом случае не более, как лай».¹¹ Касается Беляев планов по созданию в августе 1831 года Пушкиным нового журнала. Опираясь на черновик письма к А. Х. Бенкендорфу, он связывает это стремление с необходимостью «отражать бесстыдные нападения иностранных газет».¹² Анализ отдельных реплик относительно варшавских событий, выполненный Беляевым, подводит нас к тому, что Пушкин находился именно в лингвистической антиномии: его возмущала риторика французской прессы и высказывания российских «либералов» (пусть и близких ему людей), чему он считал важным противопоставить иной дискурс, воспринятый им под влиянием Карамзина.

Рядом с работой Беляева помещена интересная статья Б. В. Томашевского, посвященная ситуации во французском обществе в период Июльской революции и Польского восстания. В данной работе обращает на себя внимание скрупулезный анализ французской прессы.¹³ Причем стоит иметь в виду, что данный материал создавался как сопроводительная статья к публикации писем Пушкина к Хитрову, и поэтому автор не ставил перед собой задачи провести четкую корреляцию между отдельными высказываниями и содержанием рассматриваемого стихотворения. В целом проблематика взаимосвязи Пушкина и французской культуры являлась одной из центральных в творчестве Томашевского. Но, тем не менее, осмелимся предположить, что именно эта работа предопределила содержание комментариев Томашевского к публикации «Клеветникам России» в Полном собрании сочинений, в которых однозначно утверждается: «Поводом к стихотворению послужили речи во Французской палате депутатов (Лафайета, Могена и других), призывавшие к вооруженному вмешательству в русско-польские военные действия».¹⁴

Похожие выводы представлены в пространной статье Францева «Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг.». Речь идет об одном из наиболее фундаментальных исследований по интересующей нас тематике. В работе рассматриваются публикуемые выдержки из речей французских депутатов о Польше за январь — август 1831 года. Их анализ подводит к тезису, что именно с ними поэт вел заочный спор.¹⁵ Однако Францев не столь категоричен, он постоянно подчеркивает, что «протестующий голос Пушкина раздался не только против французских парламентских деятелей, враждебно настроенных против России и посылавших ей угрозы».¹⁶ В качестве заочных оппонентов поэта названа «французская муза», т. е. в целом полонофильская риторика во французской литературе и публицистике.

Возвращаясь к прессе, следует указать, что Францев в свое исследование включил только стенограммы палаты депутатов из «Le Moniteur Universel» и ограничился их частичным цитированием без комплексной реконструкции польско-литовского дискурса во французской периодической печати. Это не позволило ему определить весь круг источников Пушкина и степень их влияния на поэта. Вместе с тем советская историография в лице Б. С. Мейлаха уже отмечала, что поэта к написанию стихотворения побудили не только выступления в палате депутатов, но и публикации в иностранной прессе в целом.¹⁷

Еще один взгляд на произведение Пушкина отражает статья Л. Г. Фризмана. Она написана в 1962 году тогда еще начинающим литературоведом, но была издана только

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 277.

¹¹ Там же. С. 280.

¹² Цит. по: Там же. С. 282.

¹³ *Томашевский Б. В.* Французские дела 1830–1831 гг. по письмам Пушкина к Е. М. Хитрову // Письма Пушкина к Елизавете Михайловне Хитрову. С. 340–349.

¹⁴ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: В 10 т. 4-е изд. Л., 1977. Т. 3. С. 460.

¹⁵ *Францев В. А.* Пушкин и польское восстание 1830–1831 гг. С. 71–77.

¹⁶ Там же. С. 82.

¹⁷ *Пушкин А. С.* Стихотворения / Вступ. статья, подг. текста и прим. Б. С. Мейлаха. Л., 1954. Т. 1. С. 619.

тридцать лет спустя. Исследование выполнено достаточно профессионально, хоть и на крайне ограниченном круге источников. Фактически не только не привлекаются новые источники, но и не используются цитаты, ранее представленные в других работах. Статья носит ярко выраженный концептуально-интерпретационный характер. Автор доказывает, что никаких реальных планов интервенции в связи с Польским восстанием у французского правительства не было.¹⁸ С подобными лозунгами выступала исключительно оппозиция, и, значит, именно против всего передового и прогрессивного направлено пушкинское стихотворение.¹⁹ Заявить о некотором (пусть и с оговорками) консерватизме Пушкина в 1960-е было, безусловно, отважным шагом, но сейчас подобный подход кажется немного наивным.

Гораздо более тонкий анализ оды представлен в статье О. С. Муравьевой,²⁰ впоследствии с коррективами представленной в Пушкинской энциклопедии.²¹ Основной тезис этого исследования: стихотворение формально адресовано французским депутатам, но «реально они (речь идет также о «Бородинской годовщине». — М. Б., А. Б.) предназначались все-таки русской аудитории прежде всего».²² Выпуск совместной с В. А. Жуковским брошюры разделил общество на «своих» и «чужих», и поэтому опубликованные в ней стихотворения отражают «то, что правильно в политическом отношении», по мнению поэта.²³ Как отмечает Муравьева, в своей патриотической риторике Пушкин развивает традицию государственно-патриотической поэзии Ломоносова.²⁴ Мы видим, что предложенная интерпретация по своей сути является реминисценцией мнений Анненкова и Пыпина, правда, сюжет этот разработан более подробно, а акцент немного сдвинут с «польской идеи» в целом, без конкретизации ее носителей, в сторону исключительно российской оппозиционной общественности.

Говоря о дискурсивной антиномии (польская идея versus патриотическая риторика), стоит указать, что в ряде классических работ отмечается и эстетический аспект данного явления. Ю. М. Лотман подчеркивал, что в конце 1820-х — начале 1830-х годов «дегероизация исторического мышления сплеталась с деромантизацией художественного сознания Пушкина».²⁵ А С. А. Фомичев объяснял критическое отношение современников к ряду произведений этого периода как «реакцию на пушкинский реализм со стороны тех, кто разделял романтические эстетические представления».²⁶ Вряд ли будет здесь уместным в нескольких предложениях возвращаться к сложнейшему вопросу о соотношении романтизма и реализма в творческой эволюции Пушкина, но обратим внимание, что оппозиционный (в том числе полонофильский) дискурс был пропитан эстетикой французского романтизма.²⁷ Видимо, в том числе и поэтому рассматриваемая ода была «понята плоско, только как выражение верноподданных настроений поэта».²⁸

Объективно говоря, указанная «плоскость» сквозит и в ряде современных интерпретаций стихотворения. В качестве примера можно привести статью В. В. Орехова. Автор начинает с панорамного обзора истории русско-польских отношений

¹⁸ Фризман Л. Пушкин и польское восстание 1830–1831 годов // Вопросы литературы. 1992. № 3. С. 224.

¹⁹ Там же. С. 231.

²⁰ Муравьева О. С. «Вражды бессмысленной позор...» (Ода «Клеветникам России» в оценках современников) // Новый мир. 1994. № 6. С. 198–204.

²¹ Муравьева О. С. Клеветникам России («О чем шумите вы, народные витии?..») // Пушкинская энциклопедия. СПб., 2012. Вып. 2. Е–К. С. 479–485.

²² Там же. С. 481.

²³ Там же. С. 482.

²⁴ Там же. С. 484.

²⁵ Лотман Ю. М. Из размышлений над творческой эволюцией Пушкина (1830 год) // Лотман Ю. М. Избр. произведения. Таллин, 1992. Т. 2. С. 465.

²⁶ Фомичев С. А. Поэзия Пушкина. Творческая эволюция. Л., 1986. С. 289.

²⁷ М. Н. Виролайнен обращала внимание, что Пушкин в целом со скепсисом относился к «художественным образцам французского романтизма» (Виролайнен М. Н. Русский романтизм в проекции на европейскую романтическую литературу // Мир русского слова. 2015. № 4. С. 61).

²⁸ Там же.

и в результате приписывает Пушкину мысль, что «принятие под российскую державу Польши было единственной гарантией безопасности западных границ».²⁹ Далее в статье следует конспект работы Францева и попытка развить наблюдение Муравьевой, правда крайне неуклюжая. «Текст был адресован воинственно настроенным французам, но — опосредованно: идея, заключенная в этом тексте, поэтические формулы и пафос этого текста должны были быть „одобрены“ отечественным читателем и им же переданы адресату»,³⁰ — указывает Орехов. Получается, как однажды высказался М. М. Карпович в похожей ситуации, «настоящая черная магия»: ³¹ поэт обращается к французам, тем самым показывая российскому обществу, как к ним нужно обращаться.

Таким образом, мы рассмотрели основные интерпретации анализируемой оды. Перечень мнений можно было бы еще значительно расширить, как, впрочем, и по любому другому направлению пушкинистики. Но уже из приведенных работ ясно видно, что на ключевой вопрос о воображаемом оппоненте лирического героя имеется несколько различных ответов: французские депутаты, французская оппозиция, французские журналисты, французские писатели, польские литераторы и, наконец, российская общественность. Для подтверждения любого из этих вариантов найдется достаточное количество цитат из источников. Нам представляется, что разрешить данную антиномию получится только при сочетании как «экстенсивного», так и «интенсивного» исследовательских приемов. С одной стороны, многие обращались к материалам французской прессы, но сопоставительный анализ отдельных статей и пушкинских высказываний так и не был осуществлен. С другой стороны, все названные работы выполнены в позитивистском ключе, их авторы не уделяют существенного внимания модным в последние десятилетия в отечественной литературе сюжетам о власти языка, интерпретации восприятия на уровне вторичной сигнальной системы и в целом тому, что получило наименование «лингвистический поворот».

Вместе с тем даже в прямых источниках по рассматриваемой проблематике звучит четкий призыв сделать это. П. А. Вяземский в марте 1836 года писал А. И. Тургеневу: «Вообще, никогда фразеология не имела такой силы и влияния, как ныне. Вся Франция двигается, восстает и падает от готовых фраз. Это — самодержавие слов. Доктринеры пали, потому что журналисты нашептали хмельной Франции...».³² Такой же позиции придерживался и сам Пушкин в черновике письма Бенкендорфу в июле 1831 года: «...конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны...»³³

К началу XIX столетия эволюция форм коммуникации, технологический прогресс и политические катаклизмы наподобие Великой французской революции нарушили сложившийся порядок и привели к формированию новых акторов, в число которых вошли средства массовой информации. Субъективные реальности стали множиться, пересекаться в условиях увеличения числа дискурсов, что спровоцировало постоянную борьбу между ними в общественном сознании. Польское восстание 1830–1831 годов является примером такого противоборства. Еще раз подчеркнем, что именно газеты становятся не только ретрансляторами политических дискурсов, но и их создателями.

В качестве ключевых источников изучения польско-литовского дискурса в контексте Польского восстания 1830–1831 годов мы выбрали самые популярные французские газеты «Journal des Débats» и «Le Constitutionnel». Именно они находились в числе определяющих мнение о России и русских для всей остальной либеральной

²⁹ Орехов В. В. «Клеветникам России»: авторская позиция и литературная репутация // Учен. зап. Кривого федерального ун-та им. В. И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71). № 3. С. 73.

³⁰ Там же. С. 80.

³¹ Карпович М. М. Лекции по интеллектуальной истории (XVIII — начало XX века). М., 2012. С. 143.

³² Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 3. С. 306–307.

³³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.; Л., 1941. Т. 14. С. 283.

прессы Западной Европы и Америки.³⁴ Данные периодические издания были широкодоступны российскому читателю в тот период, о чем свидетельствует их частое упоминание в письмах и дневниках. В частности, о них говорит Пушкин в «Письме к издателю „Московского вестника“»: «Фр<анцуз> пишет свою трагедию с „Consti<tutionnel>“ или с „Quotidi<enne>“ перед глазами, дабы шестист<опными> стихами заставить Сциллу, Тиберию, Леонида высказать его мнение о Виллеле или о Кеннинге».³⁵ Также к источникам следует отнести и газету «La National», менее популярную в связи с ее молодостью, но являющуюся важным участником политических дебатов во Франции. В то же время косвенным источником для исследования становятся немецкие и польские газеты, выходившие на французском языке, такие как «Gazette d'Etat de Berlin», «Gazette de Prusse», «Gazette de Varsovie», «Gazette de Pologne», «Gazette d'Augsbourg», «Courrier polonaise» и др. Именно из них черпали информацию редакции французских периодических изданий.

Сообщения публиковались в газетах практически без комментариев, по французской традиции того времени. Тем не менее иногда наличие определенных заголовков, эпитетов и т. п. все-таки выдает отношение редакции к публикуемым новостям. Французские средства массовой информации отличались своей жесткой идеологической платформой, в соответствии с которой и преподносились новости. Однако все сообщения как от собственных корреспондентов в Варшаве, так и из других газет имели исключительно полонофильскую направленность, несмотря на идеологическую ориентацию изданий. Особое место занимали прямые письма в редакцию от поляков или сочувствующих им, а также официальные заявления Национального правительства в Варшаве. Они вызывали наибольший отклик у французской общественности, и именно к ним чаще всего апеллировали в палате депутатов. Отражение российского взгляда на происходящие события ограничивалось публикацией манифестов императора Николая I и каких-либо законодательных решений.

Во всех вышеперечисленных французских изданиях печатались стенограммы заседаний палаты депутатов Франции, где периодически возникали прения по вопросу международной ситуации в Европе, в том числе и в Польше. В исключительных случаях стенограммы снабжались комментариями редакции, в которых в большей степени проявлялась их идеологическая ориентация. Новости о Польше доходили до Пушкина и отечественной публики под европейским полонофильским углом зрения. Необходимо отметить, что его круг сведений о восстании дополнялся, конечно, официальной позицией российских властей, придворными источниками и слухами, царившими в российском обществе. Однако российская власть проигрывала информационную битву, что и стало одним из поводов к написанию стихотворения «Клеветникам России». Определить степень влияния французской периодической печати на Пушкина возможно путем реконструкции польско-литовского дискурса в ней до августа 1831 года, когда и было создано произведение.

До начала ноябрьского восстания 1830 года французское общество не обращало пристального внимания на польские и российские внутривнутриполитические события, за исключением эпидемии холеры.³⁶ Газеты пестрили новостями и статьями об Июльской революции, о спорах в палате депутатов и решениях нового короля Франции Луи Филиппа. Россия активно фигурировала только при обсуждении международной повестки, в особенности в контексте бельгийской революции. Так, в конце октября 1830 года французские периодические издания призывали российское руководство отказаться от вооруженного вмешательства в бельгийские дела для сохранения мира в Европе и осуждали перемещения войск к границам империи.³⁷ Публикуемые частные пись-

³⁴ *Маринин М. О. Польская революция 1830–1831 гг. и внешняя политика Великобритании и Франции (историко-культурологический аспект) // Вестник Московского университета. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2012. № 4. С. 84.*

³⁵ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 11. С. 68.*

³⁶ *Le Constitutionnel. 1830. 4 nov. № 308; 8 nov. № 312; 13 nov. № 317; 30 nov. № 334.*

³⁷ *Journal des Débats politiques et littéraires. 1830. 9 déc.; Le Constitutionnel. 1830. 25 oct. № 298; 10 déc. № 344.*

ма в редакцию стали провоцировать слухи и дебаты в палате депутатов о возможной войне России и Франции.³⁸ Парламентарии постоянно противопоставляли обе страны — свободную Францию с выбранным самой нацией королем и деспотичную Россию³⁹ — и видели в признании Священным союзом Июльской революции политическую интригу Санкт-Петербурга и Вены, направленную на отвлечение внимания.⁴⁰

Новость о Польском восстании достигла Парижа в начале декабря 1830 года. Первые известия о нем стали появляться во французских газетах 10–11 декабря. Согласно им, в Варшаве произошли столкновения студентов, вышедших на улицы под либеральными лозунгами, с расквартированными армейскими частями. Сообщалось о пассивном поведении великого князя Константина Павловича, а также об убийствах военного министра Царства Польского и ряда генералов. Источником вестей стали письма из Берлина. Примечательно, что публикации выходили не под заголовком «Польша», а в составе внутрифранцузских новостных блоков под названием «Восстание в Варшаве» или «Польская революция».⁴¹ Можно смело утверждать, что именно из этих французских изданий Пушкин узнает о случившемся, об этом свидетельствует его письмо Е. М. Хитрово от 9 (21) декабря 1830 года: «Возвратившись в Москву, сударыня, я нашел у кн. Долгорукой пакет от вас, — французские газеты и трагедию Дюма, — все это было новостью для меня, несчастного зачумленного нижегородца. Какой год! Какие события! Известие о польском восстании меня совершенно потрясло».⁴² Именно через дочь М. И. Кутузова, свою хорошую приятельницу, он часто получал свежую прессу из Франции в тот период.⁴³

Во французской периодике при публикации новостей о восстании в заголовках использовали «Польша» или «Польский фронт» наравне с другими крупными историко-географическими единицами или государствами. Польские земли в европейском политическом дискурсе не отождествлялись с Российской империей. В то же время литовские новости не публиковались отдельно от российских и польских, исключением были только заголовки «Литовский фронт». Однако с ростом напряженности в регионе выдержки из немецких и польских изданий стали иногда печататься в отдельной рубрике «Литва». Словоупотребление в коротких новостных заметках дает нам возможность так определить значение указанных географических понятий в риторике французской прессы: Польша — это Речь Посполитая в границах 1772 года, а наименование «Литва» используется исключительно по отношению к территориям, занимаемым современным литовским государством. Термин «литовский фронт» всплывает только в контексте восстания, происходившего именно там.

Риторика Пушкина прямо противоположна. Поэт задается вопросом, что могло возмутить «народных витий». И сам же отвечает вопросом: «Волнение Литвы?» — являющимся прямой отсылкой к системе рубрикации публикаций на тему восстания.⁴⁴ Уже в первых строках сталкиваются две понятийные нормы. Французская на уровне вторичной сигнальной системы создает ассоциацию с независимым, но исчезнувшим европейским государством. Пушкин же использует термин «Литва» для обозначения всей зоны восстания, т. е. территорий, входивших сначала в Великое княжество Литовское, а затем в состав Речи Посполитой. Поэт отдает предпочтение более раннему термину, явно следуя историографической традиции. Если в XVIII веке господствовала теория «трех столиц», согласно которой литовцы — завоеватели и внешний

³⁸ Ibid. 30 nov. № 334; 6 déc. № 340.

³⁹ Journal des Débats politiques et littéraires. 1830. 3 déc.; Le Constitutionnel. 1830. 3 déc. № 337; 7 déc. № 341.

⁴⁰ Ibid. 4 déc. № 338.

⁴¹ Journal des Débats politiques et littéraires. 1830. 10 déc.; 11 déc.; Le Constitutionnel. 1830. 11 déc. № 345; La National. 1830. 10 déc.

⁴² Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 133, 421–422 (оригинал по-французски).

⁴³ Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960–1990. Евгений Онегин: Комментарий. СПб., 1995. С. 143.

⁴⁴ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 12 avr.; 25 avr.; Le Constitutionnel. 1831. 25 avr. № 115; 3 juin. № 154.

элемент, то под пером Карамзина возникает конструкт Литва — Русь Литовская.⁴⁵ А в последующей историографии изложение истории Великого княжества Литовского станет неотъемлемой частью русской истории.

Итак, восстание возродило интерес французской общественности и журналистики к Польше, угасший спустя несколько лет после образования Царства Польского.⁴⁶ Первая же публикация о выступлении поляков привела к тому, что французские периодические издания стали постоянно печатать новостные сводки о ходе восстания. Однако интенсивность этих публикаций нельзя сравнить с вестями из других европейских стран, в особенности если что-то касалось бельгийской революции, к которой со стороны Франции был исключительный интерес. Известия из Варшавы после начала восстания первое время носили фрагментарный характер и кратко описывали действия как польской, так и российской стороны. Сообщалось об образовании нового правительства от имени императора и короля, аресте части русских подданных национальной гвардией,⁴⁷ освобождении политических заключенных, отправке делегации для переговоров в Санкт-Петербург, также печатались манифесты нового правительства к жителям Варшавы и всего Царства. Примечательно, что в сообщениях подчеркнуто провозглашалась только «абсолютная независимость» Польши от Российской империи с сохранением власти Николая I.⁴⁸

Однако французскую общественность в тот период польские новости интересовали в меньшей степени, чем бельгийская революция и внутривосточные события, самым ярким из которых стала развязка суда над герцогом Полиньяком. Практически большинство декабрьских и январских выпусков были посвящены последнему.⁴⁹ Возможное объяснение заключается в том, что восставшие провозглашали своей целью только соблюдение уже имеющихся у Царства прав, обещанных Венским конгрессом 1815 года и Конституцией. О затишье и концентрации на внутривосточной обстановке свидетельствует также письмо Пушкина Вяземскому, датированное 2 января 1831 года: «С П<олиньяком> я помирился. Его вторичное заточение в Венсене, меридиан, начертанный на полу его темницы, чтение Вальтер Скотта, все это романически трогательно — а все-таки палата права. Речьми адвокатов я не доволен — все они робки. Один Ламене в состоянии был бы aborder bravement la question. О Польше нет ни слуху, ни духу».⁵⁰ И его же краткий комментарий в конце письма тому же адресату в середине января: «О Польше не слыхать. <...> В Париже тихо. В Москве также».⁵¹

С завершением судебного разбирательства над герцогом, важного символического события для сторонников Июльской революции, вновь актуализируется польский дискурс, что совпадает с обострением ситуации и ее переходом к вооруженному конфликту. Масла в огонь подливает дошедший до Парижа манифест Николая I «О возмущении, происшедшем в Варшаве» от 12 (24) декабря 1830 года.⁵² 28 января в палате депутатов состоялись дебаты о международной ситуации в Европе и роли Франции в ней. В ходе них принципиальную пробельгийскую и пропольскую ориентацию заняла оппозиция, которую министр иностранных дел О. Себастьяни обвинял в желании развязать новые наполеоновские войны. В ответ Э. Биньон заявил, что оружие не является единственным действенным инструментом помощи и следует, наоборот, ис-

⁴⁵ Позиция «последнего летописца» была достаточно противоречивой и менялась в ходе написания «Истории государства Российского». Подробно о метаморфозах его интерпретаций см.: *Dvornichenko A. Y., Kudrayvtseva R.-E. A. The First Russian Lithuanists: the Karamzin's Case // Bylye Gody. 2020. Vol. 57. Iss. 3. P. 930–940.*

⁴⁶ *Belousov M. S., Belousov A. S. The Beginning of Congress Poland in the Discourse of the French Press // Vestnik of Saint Petersburg University. History. 2019. Vol. 64. Iss. 4. P. 1195–1212.*

⁴⁷ *Le Constitutionnel. 1830. 13 déc. № 347.*

⁴⁸ *Ibid. 14 déc. № 348.*

⁴⁹ *Ibid. 1830. 15 déc. № 349; 17 déc. № 351; 19 déc. № 353; 21 déc. № 355; 29 déc. № 363.*

⁵⁰ *Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 139–140 (пер.: «смело приступить к этому вопросу» (фр.)).*

⁵¹ Там же. С. 142.

⁵² *La National. 1831. 29 jan. № 29; Полн. собр. законов Российской империи. Собр. 2-е. СПб., 1831. Т. 5. Ч. 2. С. 485–488.*

пользовать дипломатию по примеру Лондонской конференции для признания великими державами независимости Польши по причине нарушения Россией договоров в отношении ее.

Комментируя этот момент, стоит сказать, что в первые месяцы июльской монархии происходит возрождение культа Наполеона. Как сказано выше, еще Томашевский, анализируя письмо Гейне, показал, что Наполеон для французов «магическое слово, которое электризует и ошеломляет их... Изображения его попадают всюду в гравюрах и гипсе, в металле и дереве, и во всевозможных положениях».⁵³ Культ проявлялся и в чрезвычайно популярных театральных постановках, и в уличном искусстве. В скобках отметим, что образ первого императора во французской публицистике прошел сложную эволюцию: в первые годы реставрации он артикулировался как деспот, начиная с 1818 года стали раздаваться первые реплики о Наполеоне — защитнике Европы от «варваров с Востока», а после получения известий о его смерти он окончательно входит в пантеон романтических героев.

В оде звучит совсем другая риторика. В строфе, посвященной Наполеоновским войнам, особое внимание заслуживает косвенное упоминание Наполеона — «...того, под кем дрожали вы». А чуть ранее Пушкин использует еще более резкое выражение «наглой воли». То есть поэт гипертрофированно-романтизированному образу императора наподобие римского противопоставляет деспота, носителя наглой воли, несшего в европейские страны не свободу, а кровопролитие. Неслучайно он прибегает к использованию многозначного слова «кумир», что может быть истолковано как игра слов: с одной стороны, это полновластное божество с безграничной властью, «тяготеющей» над народами, в данном случае имеется в виду скептическая интерпретация образа Наполеона — исторического персонажа; с другой стороны, это объект поклонения современной поэту общественности.

Реакцию Пушкина вызвала и радикальная позиция Ж. Лафайета. Последний отметил в парламентском выступлении, что Европу разделяют два несовместимых друг с другом принципа — суверенное право народа и божественная воля монархов — и Франция имеет священное обязательство противостоять любому иностранному вмешательству для защиты первого. К числу современных борцов за свою независимость он отнес греков, бельгийцев и поляков. Причем поляки, по его мнению, исконно защищают французов от вторжения северных варваров, т. е. русских. Свое выступление Лафайет завершил объявлением о создании польского и греческого комитетов, содействующих сбору средств для помощи восставшим.⁵⁴ В речи генерала звучал один из ключевых антироссийских дискурсов в эпоху бидермайера — о «русских варварах», которыми пугали европейскую элиту.⁵⁵

Здесь легко заметить, что Лафайет практически дословно возрождает концепт аббата Грегуара времен Французской революции, утверждавшего, что интересы французской внешней политики находятся везде, где есть угнетенные нации. Этой парадигме тотального экспорта ценностей и завоеваний «буржуазной» революции, своего рода глобализму эпохи бидермайера, Пушкин противопоставляет идею славянского спора. Поэт неоднократно относил Польское восстание к внутриславянскому и, можно сказать, внутриславянскому делу, в которое недопустимо внешнее вмешательство, что прослеживается в его письме Вяземскому от 1 (13) июня 1831 года.⁵⁶ В оценке политических событий он мыслил не только юридическо-правовыми категориями, но и этническими. Французская же пресса вкупе с парламентской оппозицией мыслила совершенно иными категориями, базирующимися на общественно-политическом развитии народов и идеологической ориентации. Она противопоставляла поляков русским

⁵³ Томашевский Б. В. Французские дела 1830–1831 гг. по письмам Пушкина к Е. М. Хитрово. С. 336.

⁵⁴ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 29 jan.; Le Constitutionnel. 1831. 29 jan. № 29; La National. 1831. 29 jan. № 29.

⁵⁵ Потапова Н. Д. Трибуны сырых казематов. Политика и дискурсивные стратегии в деле декабристов. СПб., 2017. С. 27.

⁵⁶ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 169–170.

и причисляла первых к «великой европейской семье народов», называя последних варварами. То есть мы видим очевидное столкновение двух позиций: стремления к внешнему вмешательству в любое национальное восстание со стороны Лафайета и недопустимости подобного со стороны Пушкина. Поскольку в творчестве поэта мы не можем обнаружить существенно представленных идей панславизма, можно предположить, что тезис о славянском споре — скорее выбор от противного: не потому, что Пушкин мечтает о славянском братстве, а потому, что это самый веский аргумент, который можно противопоставить риторике, его, безусловно, раздражающей.

На заседании вслед за Лафайетом взял слово другой оппозиционный депутат — Ф. Моген. С трибуны он обвинил министра иностранных дел и консула в Варшаве в преступном бездействии после новостей о начале подготовки русской армии к походу на Францию, в котором поляки должны были стать авангардом. Долго рассуждая о политической ситуации в Европе и балансе сил, он заканчивает свою речь критикой Венской системы и отмечает, что Польша, несмотря на все обещания 1815 года и принятую Конституцию, получила только деспотизм и ее борьба за свободу должна быть поддержана Францией.⁵⁷ Логика Могена предельно проста: Польша вошла в состав России согласно решению Венского конгресса, на котором Россия приняла на себя обязательство создать в ней конституционное правление, но оно оказалось фиктивным. Следовательно, Россия не выполняет взятые на себя обязательства, а значит, поляки имеют право на восстание, и Франция должна его поддержать.

В оде Пушкина встречаются многократные отсылки к Отечественной войне 1812 года. Поляки сражались на стороне Наполеона, Польша вошла в состав России так же, как и все прочие земли, начиная с Новгорода и Рязани. Такое мнение было чрезвычайно популярно, его наиболее точно выразил в 1824 году декабрист Сергей Трубецкой: «Справедливость требует, чтобы как поляки, так и прочие покоренные Русскими народы пользовались одними с ними правами».⁵⁸ Таким образом, риторике Могена Пушкин противопоставляет тезис о том, что Польша должна находиться в составе России, потому что уже однажды (в 1812 году), «стальной щетиною сверкая», встала «русская Земля».

Это знаковое заседание вызвало немедленную реакцию французских периодических изданий, опубликовавших вместе со стенограммой свои комментарии к ней. «La National» поддержала оппозицию в ее нападках на правительство Луи Филиппа, а также на Россию, Австрию и Пруссию в связи с их политикой в отношении Бельгии и Польши. Кроме того, редакция высказалась за более жесткий подход французской дипломатии к польскому вопросу. При этом было отмечено, что парламентское большинство и Министерство иностранных дел выразили куда меньшую антипатию военному сценарию в разрешении бельгийской проблемы.⁵⁹ Такая позиция редакции «La National» не случайна, поскольку ее главный редактор А. Каррель был ярким критиком Венской международной системы, отдавшей поляков в руки русского царя, и принадлежал к сторонникам генерала Лафайета. Он, как и вся оппозиция, стремился противопоставить деспотичную и варварскую Россию свободолюбивой и прогрессивной Польше.⁶⁰

«Journal des Débats» высказала независимую позицию и отметила неоспоримую важность дебатов в палате депутатов, которая вызовет новую общественную дискуссию для решения польского и бельгийского вопросов. Также газета поддержала фактическое образование двух равнозначных партий в парламенте: мира (невмешательства) и войны.⁶¹ Бонапартистская «Le Constitutionnel», в отличие от остальных, демонстративно отстранилась от обсуждений в парламенте и сконцентрировалась на рассуждении о возможности примирения восставших с Николаем I, который был осо-

⁵⁷ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 29 jan.; Le Constitutionnel. 1831. 29 jan. № 29; La National. 1831. 29 jan. № 29.

⁵⁸ Трубецкой С. П. Записки. Письма И. Н. Толстому 1818–1823 гг. СПб., 2011. С. 63.

⁵⁹ La National. 1831. 29 jan. № 29.

⁶⁰ Lewalski K. F. The French medical mission to Poland during the insurrection of 1830–31 // The Polish Review. 1965. Vol. 10. № 2. P. 44.

⁶¹ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 29 jan.

бенно огорчен действиями поляков по разжиганию антирусских настроений в Европе. В то же время редакция сообщила, что низложение российского императора как короля Польши практически неизбежно и что все польские периодические издания согласились спровоцировать принятие этой меры.⁶² Подобная позиция одной из самых популярных газет демонстрирует полярность мнений во французском обществе по отношению к Польше. Только начало боевых действий окончательно развеяло иллюзии о мирном урегулировании конфликта, что нашло отражение в сменявшейся риторике всех изданий.

Разразившаяся дискуссия во французском парламенте в конце января, представленная дословно на страницах французских газет, привела Пушкина к мнению, что «Европа предоставит нам свободу действий»⁶³ в отношении Польши, и укрепила его уверенность в важности принципа невмешательства в международных отношениях, проповедуемого «партией мира» в палате депутатов и правительством Луи Филиппа.

Вскоре после знакового заседания в палате депутатов Польский комитет 12 февраля 1831 года выпускает манифест к народу Польши. Примечательно, что его полностью публикует 20 февраля только «Journal des Débats», в отличие от «Le Constitutionnel» и «La National». В своей прокламации комитет призывает к национальной гордости поляков, которая не терпит деспотизма и подневольного состояния, и подтверждает их место в великой европейской семье. Кратко пересказываются некоторые знаковые события истории Польши и Литвы, среди которых правление Владислава I, расширение территорий при Ягеллонах, взятие Москвы и провозглашение Владислава IV русским царем, триумф Яна Собеского под Веной и т. д. Главными виновниками упадка польского государства авторы называют польскую шляхту, которая посредством конфедераций боролась с себе подобными и с королевской властью. Констатируется, что именно польское дворянство со своим *liberum veto* позволила великим державам во главе с Россией расчленить Польшу. Уничтожителем Речи Посполитой объявляется Суворов, который «залил кровью и застелил трупами Прагу и Варшаву».⁶⁴

Стихотворение Пушкина также содержит в себе небольшой исторический пассаж, следующий лейтмотиву, созданному манифестом Польского комитета и позже усиленному в небольших публикациях и речах депутатов. Отсылая читателя к «кровавым скрижалям», т. е. к исторической памяти, поэт отвечает на повествование манифеста, где, как уже упоминалось выше, кратко пересказывается польская история с акцентом на российско-польские отношения. Особое внимание Пушкин уделяет Кремлю и Праге, что является прямым ответом «витиям» на обвинения Суворова в слишком жестокое подавление польского восстания 1794 года, отмеченное ими как последняя попытка поляков сохранить свою свободу и независимость, и пропальное описание событий Смутного времени. Смысловое усиление последней строфы стихотворения упоминанием «измаильского штыка» является не только отсылкой к ратным успехам русского оружия, но и вновь к Суворову. Одним словом, манифест заявляет о кровавой расправе и представляет русского полководца в образе кровавого мясника. Пушкин на это возражает, что русско-польские отношения можно понять только через призму истории, в которой встречается не меньше кровавых «подвигов» поляков по отношению к России.

Но данному восьмистишию можно дать и другую интерпретацию. Слово «скрижали» встречается в творчестве Пушкина считанное количество раз.⁶⁵ Традиционно оно ассоциируется с ветхозаветными скрижалями или в целом с глиняными дощечками, т. е. неким источником, излагающим историю. В словаре В. И. Даля присутствует еще один вариант употребления: «...тысяча пушек двенадцати языков хранятся в Кремле, при памятной медяной скрижали».⁶⁶ В литературе принято считать, что таблички

⁶² Le Constitutionnel. 1831. 29 jan. № 29.

⁶³ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 424 (оригинал по-французски).

⁶⁴ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 20 fév.

⁶⁵ См.: Словарь языка Пушкина: В 4 т. 2-е изд., доп. М., 2000. Т. 4. С. 161.

⁶⁶ Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. СПб., 1882. Т. 4. С. 214.

к экспозиции пушек были созданы только в 1831 году.⁶⁷ Но хранителю отдела «Оружейная палата» музея-заповедника «Московский Кремль» С. П. Орленко, после обращения к нему авторов, удалось разыскать более ранние таблицы (Инв. № Ор-6353/2 и Ор-6354/2), датированные 1829 годом, которые и мог увидеть Пушкин во время нахождения в Москве. В таком случае четверостишие, начинающееся со слов «Оставьте нас...», можно интерпретировать как еще одну отсылку к участию поляков в войне 1812 года на стороне Наполеона и только следующее четверостишие («Для вас безмолвны Кремль и Прага...») относить к истории русско-польских взаимоотношений.

Возвращаясь к манифесту, отметим, что далее достается и другим великим державам, которых обвиняют в содействии Санкт-Петербургу. Однако, несмотря на это, поляки сплотились и доказали свое право быть свободными. Новым домом для многих из них, бежавших от тирании, согласно манифесту, стала Франция. И поляки, как, например, Я. Домбровский, героически проливали за нее свою кровь. Наполеон отплатил им за верную службу созданием Герцогства Варшавского и вновь ввел их в Москву. Но в 1815 году Польша подверглась новому разделу и стала Царством с 4-миллионным населением вместо 20-миллионного в своих прежних границах. Новое восстание объявляется войной за отнятую свободу и независимость с народом, предпочитающим рабство, т. е. русскими.

Воззвание заканчивается призывом к французам помочь оплоту против России, которая несет угрозу всей Европе, даже если правительство не исполнит этот священный долг.⁶⁸ Далее приводится список подписавших манифест. Среди них депутаты, военные, университетские преподаватели и частные лица, в том числе Виктор Гюго. Внеочередной выпуск газеты заканчивается информацией о собранных пожертвованиях для восставших.⁶⁹

Публикацией данного манифеста оппозиция вновь демонстративно противопоставляет Россию Европе и присваивает Польскому восстанию общеевропейский характер. С помощью исторических сюжетов подчеркивается особая роль Польши в европейской истории как оплота против России, что соответствует давнему французскому внешнеполитическому русофобскому конструкту под названием «Восточный барьер». Также актуализируется роль польской диаспоры в истории Франции, особенно в контексте Наполеоновских войн. Особо подчеркивается ее роль в походах на Египет, Италию и, конечно, Россию.

По этой причине польский вопрос уходит немного в тень, но остается под пристальным общественным вниманием. Публикуются сообщения от правительства в Варшаве, сводки боевых действий из немецких и польских газет, частные письма в редакцию, сведения о прибытии французских добровольцев в Варшаву и т. д. Новости нередко намеренно приводились без комментариев, чтобы подтвердить, по мнению редакции, их подлинность. Однако вести с полей преподносились исключительно с польской точки зрения. Российская же позиция представлялась только манифестами Николая I.⁷⁰ Также в прессе продолжились нападки на правительство Луи Филиппа за соблюдение принципа невмешательства в международные отношения. В марте 1831 года в «Le Constitutionnel» вышла анонимная статья «Польское дело — это наше дело» с требованием оказать помощь полякам, несмотря на опасения французского кабинета начать таким образом общеевропейскую войну. Автор еще раз подчеркивал, что Николай I, не соблюдая Конституцию Царства Польского, нарушил договоры 1815 года и вывел польский вопрос из национального контекста (отношения прави-

⁶⁷ Новоселов В. Р. Поверженные боги войны: Трофейные артиллерийские орудия Отечественной войны 1812 года. К 200-летию юбилею победы России в Отечественной войне 1812 года. М., 2012; Распоряжение Николая I об изготовлении новых табличек 1831 г. об устройстве около Арсенала и Оружейной палаты новых стеллажей для орудий // РГАДА. Ф. 1239. Оп. 3. Д. 3. Л. 1–19.

⁶⁸ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 20 fév.

⁶⁹ Ibid.

⁷⁰ Ibid. 21 fév.; 22 fév.; 23 fév.; 25 fév.; 2 avr.; Le Constitutionnel. 1831. 27 fév. № 58; 13 mar. № 72; 15 mar. № 74; 19 mar. № 78; 23 mar. № 82.

теля с подданными) на международный. В то же время критике подверглась вся Венская система и был высказан тезис, что принципы Французской революции не позволяют признать за Россией какие-либо права на Польшу.⁷¹ Позднее, в конце марта, состоялась дискуссия с новым главой Кабинета К. Перье в палате пэров, где его раскритиковали за пренебрежение национальной честью в связи с политикой невмешательства. Ему в пример ставилась позиция Франции в бельгийском вопросе, благодаря которой удалось остановить интервенцию Пруссии.⁷²

Несмотря на обсуждение нового избирательного закона и других внутривнутриполитических дел, оппозиция постоянно обращается к международной повестке. Так, 4 апреля на заседании палаты депутатов Моген в ходе обсуждения закона о бюджете обрушился с критикой на Министерство иностранных дел Франции за его политику невмешательства. Он заявил, что необходимость войны против России и ее союзников ради спасения как поляков, так и французов неоспорима.⁷³ На заседании 12 апреля депутат вновь обвинил правительство Луи Филиппа в пассивности по отношению к действиям России, Австрии и Пруссии в Европе, за что был обвинен министром иностранных дел О. Себастьяни в демагогии: повторе одних и тех же тезисов уже на протяжении 6 месяцев, путанице в фактах, незнании истинного положения дел в Европе.⁷⁴ Действительно, речь Могена во многом повторяет предыдущие его выступления, в которых он вновь и вновь обвиняет Россию в желании напасть на Францию.

Примечательно, что в обзоре этого заседания «*Journal des Débats*» выступает с критикой как оппозиции, так и министра иностранных дел.⁷⁵ На следующий день в газете выходит статья с анализом состава оппозиции и ее идей, в которой оппозиция делится на две школы: бывших лейтенантов империи, видящих в войнах славу, и великодушных филантропов, придерживающихся принципов аббата Сен-Пьера. В заключение редакция приходит к выводу, что если воинствующая оппозиция получит большинство на следующих выборах, то Франция начнет войну с любой страной, чья конституция основана на принципах, отличных от французских.⁷⁶ К таким странам относилась в том числе и Россия. Можно сказать, что «*Journal des Débats*» вновь продолжила придерживаться независимой позиции в вопросе военного урегулирования польского вопроса.

Противную позицию заняла «*Le Constitutionnel*», в которой 25 апреля выходит статья «О положении нашей дипломатии». В ней редакция констатирует кризис Венской системы международных отношений и необходимость замещения Священного союза чем-то новым. Отдельное внимание уделяется Польше, провозглашается необходимой целью французской дипломатии восстановление ее в границах 1772 года.⁷⁷ Позднее, уже в июле 1831 года, редакция газеты публикует статью «Будущее Царства Польского», в которой рассуждает, способна ли независимая Польша, в случае объединения своих старых земель, противостоять «варварскому самодержавию с севера» без иностранной помощи.⁷⁸

Публикации вестей с польского фронта актуализируются с приближением одного из важнейших сражений восстания — битвы при Остроленке, состоявшейся 14 (26) мая 1831 года. Так, например, «*Le Constitutionnel*» опубликовала анонимное польское письмо от 23 мая 1831 года, в котором автор указывает на усталость обеих сторон конфликта, рост числа восставших в Литве, благодаря которым польская армия оказывается в более выгодном положении, и обвиняет русских в варварстве, узнав, в каком состоянии поселения, где они проходили. В конце он называет французов братьями,

⁷¹ *Le Constitutionnel*. 1831. 12 mar. № 71.

⁷² *Ibid.* 1831. 24 mar. № 83.

⁷³ *Journal des Débats politiques et littéraires*. 1831. 5 avr.; *Le Constitutionnel*. 1831. 5 avr.

⁷⁴ *Journal des Débats politiques et littéraires*. 1831. 13 avr.; *Le Constitutionnel*. 1831. 13 avr.

⁷⁵ *Journal des Débats politiques et littéraires*. 1831. 13 avr.

⁷⁶ *Ibid.* 14 avr.

⁷⁷ *Le Constitutionnel*. 1831. 25 avr. № 115.

⁷⁸ *Ibid.* 7 juil. № 188.

несмотря на политику Королевского дворца.⁷⁹ Публикуются донесения польских генералов о движении и действиях войск,⁸⁰ а вскоре выходят публикации с подробным описанием битвы при Остроленке.⁸¹ Примечательно, что сведения о сражении печатались только из польских и немецких источников.

Точкой бифуркации для польско-литовского дискурса во французской прессе становится летняя избирательная кампания во Франции, от которой и зависел дальнейший внешнеполитический курс страны. В ходе выборов победу одержала партия доктринеров во главе с К. Перье, выступающим за продолжение политики невмешательства, в том числе и в польском вопросе. Генерал Ж. Лафайет и его сторонники получают меньшинство.⁸² После чего накал страстей временно спадает, причиной тому также стала речь Луи Филиппа на открытии новой сессии палаты депутатов 23 июля 1831 года, в которой он кратко выразил свою поддержку восставшим полякам.⁸³ Пресса с большим воодушевлением восприняла этот отрывок речи и заявила, что правительство наконец-то услышало «все великодушные сердца во Франции и Европе»,⁸⁴ т. е. французская периодическая печать добилась своей цели и праздновала небольшую, но победу.

Восстановив польско-литовский дискурс во французской прессе в 1831 году, следует определить степень его влияния на Пушкина и его творчество. Как было указано ранее, поводом к написанию оды «Клеветникам России» стала антирусская риторика во французской периодической печати, поддерживающей и провоцирующей дискуссии по польскому вопросу на своих страницах и в палате депутатов, что подтверждает выводы предшествующей историографии и в то же время расширяет ее источниковедческую базу по данной теме. Однако до сих пор нет четкого ответа на вопрос, что же именно стало основным толчком к созданию данного произведения.

Как известно, Пушкин летние месяцы 1831 года проводил в самоизоляции в Царском Селе по причине бушующей эпидемии холеры в России. 3 (15) июля он пишет Вяземскому, что к нему не доходит известий из армии, а из газет и журналов он получает только «Санкт-Петербургские ведомости». Также он отмечает, что ничего не пишет в данный момент и ждет осени.⁸⁵ Однако позднее, 21 июля (2 августа), он упоминает в своем письме П. В. Нащокину следующее: «С часу на час ожидаем важных известий и из Польши, и из Парижа; дело, кажется, обойдется без Европейской войны».⁸⁶ Видимо, французская пресса вновь стала доходить до поэта. Это подтверждается позднее в письме Вяземскому от 3 (15) августа.⁸⁷ Вероятнее всего, Пушкин ожидал сообщения об итогах избирательной кампании или стенограмму речи Луи Филиппа на открытии парламента, которые и стали для поэта основным толчком к написанию стихотворения, поскольку король уступил «клеветникам», несмотря на победу своих сторонников на выборах.

Итак, мы можем утверждать, что публикации во французской прессе (как сами статьи, так и стенограммы заседаний) были для Пушкина безусловным триггером, провоцирующим полное неприятие и отторжение данной риторики. Установив вполне конкретную взаимосвязь на языковом дискурсивном уровне между конкретными выступлениями и содержанием оды, мы считаем важным скорректировать принятую в литературе формулу о том, что стихотворение было реакцией исключительно на выступления Лафайета и Могена. Во-первых, выступлений было несколько — как депутаты, они систематически возвращались к теме Польского восстания. Их риторике следовали публицисты при освещении событий. А эти высказывания многократно

⁷⁹ Ibid. 3 juin. № 154.

⁸⁰ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 6 juin; 7 juin.

⁸¹ Ibid. 8 juin; Le Constitutionnel. 1831. 8 juin. № 159.

⁸² Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 7 juil.; 8 juil.; 9 juil.; 10 juil.; 11 juil.; 12 juil.; 13 juil.; 14 juil.; 15 juil.; 17 juil.; Le Constitutionnel. 1831. 16 juil. № 197.

⁸³ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 24 juil.; Le Constitutionnel. 1831. 24 juil.

⁸⁴ Journal des Débats politiques et littéraires. 1831. 24 juil.

⁸⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 14. С. 187.

⁸⁶ Там же. С. 196–197.

⁸⁷ Там же. С. 205.

повторялись и воспроизводились уже внутри российского общества. Во-вторых, невозможно игнорировать ряд сопутствующих сюжетов русско-польских литературных связей. Известное стихотворение М. Ю. Лермонтова «Опять, народные витии...» было реакцией на выступления Иохима Лелевеля, который никогда не был депутатом французского парламента. А значит, пушкинское «витии» следует понимать шире. Кроме того, стоит обратить внимание на взаимоотношения Пушкина и Мицкевича. Как показано в новейших работах, события 1830–1831 годов коренным образом изменили взгляды последнего и в целом взаимоотношения двух поэтов.⁸⁸

Приведенный анализ историографии, французской прессы, пушкинской оды дает основания утверждать, что Пушкин обращался не конкретно к депутатам или конкретно к русским либералам. Скорее его возмущала сама по себе полонофильская риторика, а не ее конкретные носители. Антиномии стоит искать прежде всего в сфере языка и дискурсивных практиках, а не в политических взглядах поэта и российского общества. Пушкину было свойственно на разных этапах своего творчества увлекаться эстетикой и речевыми конструктами (но не всегда идеями) различных и иногда противоречащих друг другу «образов мыслей». Еще раз согласимся с С. А. Фомичевым: не стоит интерпретировать Пушкина плоско. Ода «Вольность» совсем не делает его радикальным революционером, так же и «Клеветникам России» не свидетельствует о мировоззренческом переходе к крайнему консерватизму.

⁸⁸ *Ивинский Д. П.* Князь П. А. Вяземский и А. С. Пушкин. М., 1994; *Ларионова Е. О.* Курс лекций Адама Мицкевича в Collège de France: «Русская идея» в зеркале польского мессианизма // *К истории идей на Западе: «Русская идея»*. СПб., 2010. С. 184–205.

DOI: 10.31860/0131-6095-2021-4-103-108

© М. В. Безродный (ФРГ)

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ПИКОВОЙ ДАМЕ»: 11–16*

11

После того как Чаплицкий, проигравший *около трехсот тысяч*, был посвящен в тайну верных карт, он *поставил на первую карту пятьдесят тысяч и выиграл соника; загнул паролы, паролы-пе, — отыгрался и остался еще в выигрыше...*

Выиграть *соника* означало выиграть сразу: при вскрытии банкометом первой же пары карт оказывалось, что их достоинства различны и достоинство выпавшей налево совпадает с достоинством той, на которую поставил понтер.¹ Пассаж *загнул паролы, паролы-пе, — отыгрался*, позаимствованный из мемуаров Казановы (где: «загнул паролы, паролы-пе, сделал ставку и вернул все золото, что проиграл»²), нуждается в более пространным разъяснении.

* Продолжение цикла; начало см.: *Безродный М. В.* 1) Из комментария к «Пиковой даме»: <1–4> // *Unacknowledged Legislators: Studies in Russian History and Poetics in Honor of Michael Wachtel*. Berlin u. a., 2020. P. 133–140; 2) Из комментария к «Пиковой даме»: 5–6 // *Slavica Revalensia*. 2020. Vol. 7. С. 233–239; 3) Из комментария к «Пиковой даме»: 7–10 // *Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В. Е. Багно*. СПб., 2021. С. 48–52.

¹ О происхождении и значениях «sonica» см.: *Chauveau J.-P.* Français *ponte*, ou distinguer pour unir // *Estudis Romànics*. 2019. Vol. 41. P. 219–220.

² «...fit paroli, paix de paroli, le va et regagna tout l'or qu'il avait perdu» (Mémoires de J. Casanova de Seingalt. Paris, 1832. Т. 8. P. 340). О происхождении и значениях «le va» см.: *Chauveau J.-P.* Français *ponte*, ou distinguer pour unir. P. 223.